

-7 МАИ 1986

ИЗВЕСТИЯ

Константин СИМОНОВ:

ВОЙНА БЫЛА ОГРОМНАЯ, ВСЕНАРОДНАЯ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

Одна из последних встреч Константина Симонова с его читателями, если быть точным — предпоследняя, состоялась в Военно-политической академии имени В. И. Ленина и была посвящена его фронтовым дневникам, объединенным в двухтомник «Разные дни войны».

Писатель был тяжело болен, но, верный своему обещанию, приехал — пусть в разгар учебного дня, пусть ненадолго. Симонов говорил перед тремя десятками офицеров, его выступление продолжалось чуть более часа. Генерал-лейтенант Ф. С. Степанов сохранил магнитофонную запись этого выступления.

...Мы слушаем ее в кабинете генерала. Глуховатый, в минуты одушевления звенящий голос Симонова. Его мысль, его боль, его слово. И напряженная тишина внимающего зала, изредка взрывающегося аплодисментами или смехом. И снова тишина, уже другая — шелест пленки после того, как запись обрывается. Генерал медлит, словно все еще ожидает чего-то, и выключает магнитофон...

Эта документальная запись еще не воспроизводилась в печати. Впервые печатается и снимок К. М. Симонова среди слушателей академии.

ВЕЛИКУЮ Отечественную войну я пережил лично. И потом — многократно, — общаясь с ее участниками, глядя им в глаза, слушая их рассказы, — я заново переживал то, как они прошли войну. При всех сложностях корреспондентской жизни это вовсе не самый тяжелый хлеб на войне. Строевому командиру, политработнику на передовой, солдатам всех родов войск, и в первую очередь пехоты, доставалось много больше. В их памяти, может быть, не все закрепилось так, как у меня в моей профессиональной памяти журналиста. Может быть, у них не записано того, что записано у меня, но в сердце отложилось многое такое, до чего я, может быть, не дотянулся.

Война была такая огромная и такая всенародная, столько людей в ней участвовало! Двадцать миллионов погибших... Добавим всех участвовавших, всех, кто знал их или писал им, получал от них письма, — еще десятки миллионов людей. Они пережили войну как тревогу за самого близкого себе человека.

Но была тревога и другого рода, повсюду в стране, далеко от фронта — как обеспечить необходимым огромную армию. Об этом мы сегодня узнаем из мемуаров наших тыловых работников, начиная от представителей Ставки и кончая армейским и дивизионным звеном. Что значило наплатить, накормить армию, сколько хлеба нужно было собрать в те времена, когда за украденный колосок — суд? За украденный колосок — суд, вот так жестоко стоял вопрос. Я не в укор времени говорю это — тогда, может быть, иначе и нельзя было. Кража горсти колосьев приравнивалась к тяжкому преступлению!

А что значило подготовить армию к Сталинграду? Справедливо говорить о боевом духе, стойкости сталинградцев, о том, что «за Волгой земли для нас нет», говорить другие, пошедшие в народ слова, достойные, нужные и символизировавшие решимость армии. Но если бы тыл не поддал всего того,

что он подал фронту, если бы не была всей страной проявлена воля к победе всюду, не только на фронте, но и в тылу, не было бы сталинградской победы, не сумели бы мы окружить Паулюса, не пошла бы война так, как пошла дальше. А дальше потребовались новые и новые усилия — для Курской дуги, для операции «Багратион», и бесконечно страна вычерпывала из себя все силы для того, чтобы дать возможность армии побеждать очень сильного врага. Вот об этом люди рассказывают. Я думаю, что сейчас я войну знаю лучше, чем в тот день, когда она окончилась.

...Я пополнил свою память памятью других людей. В том числе и закреплённой в архивных документах. В одном Подольском архиве их девятнадцать миллионов — не дел, а папок с делами девятнадцать миллионов. Папок с делами! Около полутора или двух миллионов — вся история Советской Армии, включая Халхин-Гол и гражданскую войну, а вот неполные четыре года Великой Отечественной войны — 19 миллионов папок. Рассказывают документы, рассказывают люди. Я делал с товарищами своими, кинематографистами, фильмы: «Если дорог тебе твой дом», «Шел солдат», несколько телевизионных фильмов «Солдатские мемуары». За этой работой — разговоры с десятками людей. Не наскоро, — говоря по-фронтовому, не на тычке, — но подробные, большие разговоры с бывшими солдатами.

Ведь как это бывает? Вот, скажем, с солдатом мы поговорили, два дня говорили, потом почтительно все, что записали, и он удивлялся иногда тому, что наговорил: оказывается, семьдесят страниц, а он-то думал — семь... Я вспоминаю случаи. Было это с прекраснейшим человеком, талантливым, умным и образованным, с Иваном Ефимовичем Петровым, бывшим командующим обороной Севастополя и Одессы. Я с ним дружил, последние войны приехал к нему специально в Туркестанский военный округ, чтобы записать его

воспоминания. Мне очень были нужны подробности. Два дня диктовал он, я записывал. А потом меня отправили в командировку в будущую ГДР (вскоре после войны дело было). Он мне сказал: «Ты оставь Музу Николаевну, стенографистку, я додиктую». Приезжаю назад, смотрю стенограмму, а там — 18 страничек. Мы за два дня 70 написали, а тут 18. Оказывается, Иван Ефимович посмотрел эти записи как военный человек, сказал: «болтливо» и сформулировал все, что было связано с его участием в обороне Одессы, очень четко, на 18 страничках. (Смех).

У меня сейчас около пяти тысяч страниц записей солдатских рассказов о войне. И еще — около семи тысяч страниц писем — люди рассказывают о себе, но чаще о своих товарищах. О том, что и у нас был такой случай, а у нас — такой, и вот этого человека я ищу, его стоит искать, потому что он еще не такое совершил... Много очень благородства в этих письмах, высокого благородства.

УРОК и писателям, между прочим, тут тоже лежит. Нужно помнить и нашему брату, что делают другие, твои соседи, нужно помогать, чтобы литература двигалась в каком-то общем — правильном и честном направлении исследования того или другого вопроса, в частности войны. Не оставлять без внимания и без поддержки то, что честно, то, что правильно на твой взгляд, и не оставлять без прямого осуждения то, что написано кривоудушно или облегло, не бояться ссориться по этому поводу.

В общем, вот когда мы сдадим все киноматериалы по этой работе, это будет сто тысяч метров пленки. Пройдет немного времени, и не останется людей, которые смогут рассказать живым голосом о войне, о том, как это было. Но художник, журналист, писатель, актер, режиссер смогут взять с полка архивохранилищ эти немудрящие ленты и послушать, как сами солдаты, разведчики, танкисты, артиллеристы рассказывают о войне. ...Меня радует целый ряд вещей, взять, скажем, фильм «Бе-

лорусский вокзал». Или — я в данном случае не о себе говорю, как об авторе повести, а о фильме, который по ней поставлен, — «Двадцать дней без войны». Ни тот, ни другой режиссер войны не видели. Может, кому-то второй фильм больше нравится, кому-то меньше, но в нем есть честный подход, есть стремление рассказать правду о том, как выглядел, что такое был военный тыл. Мне нравится, когда молодые нам, старикам, так сказать, «втыкают» иногда, когда мы легковесно, легковато изображаем войну, бывает с нами такой грех. Уж изучать так изучать, взялся за изучение прошлого, хочешь восстановить эту картину, так восстанови ее с такой точностью, чтобы тебя не могли упрекнуть в том, что ты не был, не видал, подметки сам не стоптал на войне. Не стоптал, а вот написал так или сделал фильм такой, что те, кто видел, был на войне, говорят: все правда. Это очень дорого. Я очень ценю это в наших молодых художниках, писателях и журналистах.

...По поводу материала из первых рук. Конечно, стремление на войне взять материал из первых рук — стремление закономерное, честное, необходимое для газеты. Но это не всегда возможно. Вот бой прошел, а о нем надо рассказать. Кто же для тебя будет второй раз его разыгрывать? Значит, расспросить надо. Расспросить. Постарайся вообразить себе, что чувствовал тот человек. Попробуй во время разговора с ним влезть в его шкуру до конца, представить себя на его месте, но не подсовывай себя рядом с ним, не делай себя его соседом там, где ты его соседом не был. Это вопрос чести журналиста, вопрос очень важный. Меньше всего написано о летчиках-истребителях. В Ил в кабину лазили, в бомбардировщики — чаще, в тыл летали на У-2, и на «дугласах» летали, а вот к истребителю в кабину не влезешь. Поэтому о нем писали только с его слов. И у меня очерки об истребителях, — например, «Русское сердце»,

но должен был выполнить раньше. Иной раз с какой-то работой нельзя задерживаться. Помни, думай о людях. Не только о собственных планах, но о людях.

Идея опубликовать эти дневники, собрать их в книгу у меня возникла после того, как я сделал доклад «История войны и долг писателя» на писательском пленуме. Многие были доволно резко сформулировано, печатать его не хотели. Ну я решил: ах так, не хотите печатать 25 страниц, хорошо, я сделаю тогда этот доклад об истории войны и долге писателя на полторы тысячи страниц. (Смех). Я, конечно, шушу, но в общем это был окончательный толчок. Если говорить серьезно, такие темы, болезненные, очень острые и противоречивые, не решить докладом, выступлением, нужно взять все мясо войны, все, что есть в памяти, и постараться над этим поработать. Не один год на это ушел...

...По поводу ненависти. Наверное, без этого чувства невозможно было прожить четыре года на войне, видеть Харьков, процесс, Майданек, Освенцим, видеть повседневно то одно, то другое злодейство. Это не значит, что у меня было чувство ненависти к каждому немцу, у меня не было такого чув-

ства. Но у меня было ощущение ненависти к силе, к нам влезшей, к захватчикам, ко всему, что мы к себе не просили и не звали и что мы вышвырнем, ненависть была вот к этому. У меня лично не было желания наносить национальные оскорбления. Но я писал в стихотворении «Убей его»: он хотел, его вина. Так хотел он! Его вина. Пусть горит его дом, а не твой. Вот смысл в чем... Никогда не стеснялся стихов «Убей его». И когда мне на одном вечере сказали, что не надо бы читать эти стихи, в зале много демократических немцев, я ответил: «Стихи написаны в июле 42-го года, значит, если они демократические немцы, поймают, а если не поймают, значит, не демократические». (Смех, аплодисменты).

Меня спрашивают: что было главное в вашей работе в начале Великой Отечественной войны и в конце ее? Если говорить о начале, хотелось зацепиться за что-то такое, что было правдой и будучи правдой, увиденной твоими глазами, подкрепляло бы людей, прочитавших это, в убеждении, что мы фашиста остановим, что не всегда это будет продолжаться так, как оно идет. Что фашист смертен. Что мы его остановим, и что мы ему не поддадимся. Вот поиски этих фактов, правдивых, мне кажется, с точки зрения необходимости журналистской работы, были главным. Что касается работы в конце Великой Отечественной войны, тут были очень разные задания, и оперативные, и прочие. Если говорить о внутренней задаче, мне хотелось показать в своих очерках — и это можно увидеть, скажем, в очерках конца войны, — что война всегда продолжала оставаться войной. Люди продолжали умирать, воевать было трудно... Это знают политработники, может быть, знают, как никто другой... Нельзя было пройти мимо трудностей, с которыми связаны самые победоносные страницы конца войны...

...По поводу ненависти. Наверное, без этого чувства невозможно было прожить четыре года на войне, видеть Харьков, процесс, Майданек, Освенцим, видеть повседневно то одно, то другое злодейство. Это не значит, что у меня было чувство ненависти к каждому немцу, у меня не было такого чув-

ства. Но у меня было ощущение ненависти к силе, к нам влезшей, к захватчикам, ко всему, что мы к себе не просили и не звали и что мы вышвырнем, ненависть была вот к этому. У меня лично не было желания наносить национальные оскорбления. Но я писал в стихотворении «Убей его»: он хотел, его вина. Так хотел он! Его вина. Пусть горит его дом, а не твой. Вот смысл в чем... Никогда не стеснялся стихов «Убей его». И когда мне на одном вечере сказали, что не надо бы читать эти стихи, в зале много демократических немцев, я ответил: «Стихи написаны в июле 42-го года, значит, если они демократические немцы, поймают, а если не поймают, значит, не демократические». (Смех, аплодисменты).